

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

Румынская национальная идея и ее геополитическое измерение	5
--	---

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕВРОПЕИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Формирование национальной идеи в XIX в.: Противостояние традиционализма и западничества	18
«Великая Румыния»: Национализм как преобладающий вектор политического и культурного развития.....	21
Пролетарский интернационализм – идеология коммунистического режима послевоенной Румынии	32
Режим Чаушеску: Витрина западничества и пропаганда «национального коммунизма» внутри страны	36

3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ 1990–2010-х годов

Правящая элита новой Румынии: Либерально-западническая и национал-патриотическая составляющие политической жизни	51
Особенности формирования и развития партий. Роль идеологии в политическом размежевании. Элита как замкнутая внеполитическая каста.....	51
Экономические реформы под эгидой западного капитала: За и против.....	74

Национальные культурные мифы и европеизм в новой политической парадигме	77
Роль наследия и переосмысление прошлого: Политика, культура, общественное сознание	77
Румынская история в трактовке традиционалистов и западников	86
Европейские горизонты румынской художественной культуры	91
Ориентиры внешнеполитической деятельности	97
Евро-атлантическая ориентация в контексте смены президентских команд. «Либералы» и «националисты» во время Балканского кризиса. Украинский фактор как зеркало внешнеполитических амбиций румынского руководства	97
Западный вектор внешней политики Румынии в оценках национал-патриотической оппозиции и в восприятии румынского общества	112

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социологические параметры национальной самоидентификации. Идеология и повседневная реальность	115
Список литературы	124

1. ВВЕДЕНИЕ

Румынская национальная идея и ее геополитическое измерение¹

Национальная идентичность, соотнесение ее с идентичностью европейской и шире – с контекстом глобализации стали особенно популярной темой румынского общественно-политического сознания после вступления страны в Европейский союз и НАТО. Социолог В. Дынку, касаясь последствий вхождения Румынии в западный мир, отмечает признаки изменения образа жизни и ментальности под воздействием глобальных процессов, доступ которых в Румынию облегчен, в том числе и благодаря вхождению страны в евро-атлантические структуры. В результате «создаются проблемы для традиционного образа жизни и мышления», отмечает автор [Dâncu, 2018].

¹ Рассмотрение отдельных аспектов этой общей темы содержится также и в других работах автора, например:

Европеизм и румынская идентичность: Политические и культурные реальности // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы. – М., 2014. – С. 48–65.

Внешнеполитические ориентиры Румынии: Аналит. обзор. – М., 2016. – 96 с.

Настоящее и прошлое политической элиты Румынии // Актуальные проблемы Европы. – М., 2017. – № 2. – С. 188–211.

История и политика: Вторая мировая война в памяти современного румынского общества // Актуальные проблемы Европы. – М., 2017. – № 3. – С. 188–211.

Национализм и праворадикальные организации в Румынии // Правый радикализм в Восточной Европе. – 2018. – С. 82–103.

Румыния в НАТО и Евросоюзе: Политические декларации и общественное мнение // Актуальные проблемы Европы. – М., 2019. – № 3. – С. 73–100.

Не только в Румынии, сравнительно недавнем члене ЕС, но и в европейских странах, давно пребывающих в этой организации и глубоко интегрированных в общеевропейские структуры, интеллектуалы и представители власти все чаще задаются вопросом «Кто мы?» и что же такое – национальная и европейская идентичности. Наиболее приемлемой кажется трактовка последней как совокупности политических представлений и институций. Лоном и фундаментом идентичности национальной является в первую очередь, безусловно, культура. Рассматривая разные подходы к пониманию национальной идентичности в западной науке, К. Скифирнец подчеркивает его текучесть, изменчивость, что соотносится и с представлениями румынских авторов в применении этого понятия к национальным реалиям [Schifirneț, 2009].

В Румынии на протяжении XX в. мыслители описывали местные особенности, используя разные термины: «национальная специфика» (Дж. Ибрэилян), «румынская духовность» (М. Вулкэнеску), «румынский дух» (Н. Ионеску), «румынизм» (К. Рэдулеску-Мотру), «миоретическое пространство» (Л. Блага), «румынский феномен» (М. Раля), «православие» (Н. Крайник), «румынская душа» (К. Нойка), «румынская уравновешенность» (Д. Стэнилоае)¹. Большинство теорий такого рода возникло в межвоенный период на волне идей национального самоутверждения и особенно ярко проявилось в крайне националистических течениях. Стержнем рассуждений на эту тему всегда было соотнесение истории и культуры Западной Европы с местными особенностями. Материал же для обобщений предоставляли исторические события и факты, которые интерпретировались в зависимости от идеологических предпочтений авторов.

Как и другие страны Юго-Восточной Европы, где традиционно переплетались интересы великих держав, румынские земли на протяжении длительного времени оказывались местом их соперничества, подчеркивают современные румынские историки. Румыния предстает в их понимании страной, развитие которой было во многом обусловлено именно внешними факторами. Это заключение содержит значительную долю истины. Ощущение себя на перепутье «Востока» и «Запада» сопутствовало осознанию румынами собственной идентичности и рождению национальной идеи. Важной характеристикой ее стало, начиная с XIX столетия, обращение к западноевропейским ценностям и одновременно

¹ О взглядах Л. Блага, К. Нойки, Н. Крайника см. далее. – *Прим. авт.*

поиски собственной национальной специфики. В одном из исторических рассказов румынского писателя Александру Ивасюка говорится, что румынские княжества – это территории, где «восток перемешан с западом и где даже настойчивые турки сумели переменить лишь обветшавшие порядки».

И сегодня эта дихотомия не потеряла актуальности. Официальный дискурс румынского руководства, несмотря на смену президентских команд (Илиеску – Константинуеску – Илиеску – Бэсеску – Йоханнис), хотя и обнаруживал некоторые нюансы, но все же стабильно сохранял прозападные контуры. Ориентация на Запад, однако, не является безусловной константой румынского общественного мышления. Приверженцы западноевропейских ценностей (европеисты) не находят понимания со стороны почвенников (традиционалистов), ратующих за особый путь развития Румынии. Значительная часть общества также не готова к усвоению европеистской идеи.

Широкий спектр разных подходов к самоидентификации, крайними полюсами которого являются европеизм и традиционализм, определяет сегодня особенности румынской национальной идеи, предлагаемой обществу политиками и исторической наукой. Как и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, она осложнена проблемой роли и влияния России в этом регионе.

Как известно, сегодняшние границы страны очерчены итогами Второй мировой войны, которые не были утешительными для политиков, ибо часть земель «Великой Румынии» межвоенного периода (а именно Бессарабия¹ и Северная Буковина²) отошла к

¹ Территория сегодняшней Республики Молдова, или Бессарабия (но без Приднестровья), с середины XIV в. была частью Молдавского княжества. Продолжая входить в его состав, в XVI в. она попадает под власть Османской империи. По Бухарестскому договору 1812 г. Бессарабия, в том числе Южная Бессарабия (Буджак), входящая сегодня в Украину, была присоединена к России. Остальная часть княжества тогда оставалась в вассальной зависимости от османов. С 1918 по 1940 г. Бессарабия была частью Румынии. В 1940 г. в результате пакта Молотова – Риббентропа она была включена в состав СССР. 1941–1944-е годы румынской оккупации, после Второй мировой войны на территории Бессарабии была образована Молдавская ССР. – *Прим. авт.*

² Сегодня Южная Буковина является частью Румынии, а Северная входит в Украину. Территория Буковины со второй половины XIV в. находилась в составе Молдавского княжества, еще ранее была в составе Киевской Руси, затем Галицкого, позже – Галицко-Волынского княжеств. В 1774 г. эти территории были присоединены к Габсбургской империи. Согласно румынским источникам, в 1774 г. румыны составляли 85,33% населения этой области, в 1910 г. – 34,1%. Как и Бес-

соседним странам. Видимо, поэтому в сознании значительной части общества присутствует убеждение в несправедливости исторической судьбы и незавершенности процесса национального самоутверждения. Отсюда – особый интерес к историческим архетипам, к древним пластам национальной культуры. Интерес этот имеет и политическую окраску: в нем присутствует желание и стремление показать и доказать единство румынского этноса и его особый путь со времен почти легендарных, причем не только в границах современной Румынии. Обращение к архаике, к временам Дакийского царства и Римской империи призвано подчеркнуть древность румынского этноса и служит идее национальной непрерывности (континуитета).

Когда воины Римской империи в 106 г. н.э. окончательно покорили Дакийское царство, занимавшее часть территории современной Румынии, начался процесс романизации дакского населения. Древние источники, правда, ничего об этом не сообщают. Но о романизации свидетельствуют латинские корни румынского языка и римские артефакты времен еще даже доримского завоевания, обнаруженные археологами на этих землях. Последнее и позволило историкам позднейших времен обосновать происхождение румынского этноса как от даков, так и от древних римлян.

Румынский язык, полагают лингвисты, сформировался из разговорного латинского языка бывшей провинции Римской империи к IX в. Языковых памятников на этот счет опять же не существует: приблизительную структуру проторумынского языка лингвисты пытаются определить при помощи сравнительно-исторического подхода с учетом анализа общих языковых законов.

Важное обстоятельство формирования румынского этноса – тесные связи со славянскими племенами в VI–X вв. и принятие от болгар в конце IX в. церковной организации христианства византийского толка, а также догматов православия. Не старорумынский, а старославянский был языком церковной службы, а затем и официальным языком образованных в XIV в. княжеств Валахия и Молдова. Он был также языком делопроизводства и вообще учености. Первым письменным памятником румынского языка считается письмо боярина Някшу (1521). Первые переводы библейских книг на румынский язык появились также лишь в XVI в.

сарабия, Буковина была занята Красной армией в 1940 г. После Второй мировой войны Северная Буковина вошла в Украинскую ССР как Черновицкая область. – *Прим. авт.*

Славянский субстрат в румынском языке, особенно на уровне повседневной речи, ощутим и сегодня, но с середины XIX в. подвижники национальной идеи обратили свои взоры на Запад, стараясь не акцентировать внимание на этом факте, хотя еще в первой половине XIX в. румынский язык использовал кириллицу, а культурная атмосфера как Валахии, так и Молдовы была интегрирована в восточно-православный ареал. «Это была культура, проникнутая православной, а не национальной идеей» [Voia, 1997, p. 19].

Православная идея, которая преобладала в XVIII в., сменяется постепенно поисками национальной самобытности. Православие же, согласно некоторым сегодняшним оценкам, способствовало отдалению Румынии от Западной Европы, ибо оно ставило эти земли в зависимость от Византии.

Княжества Молдова и Валахия – сердцевина будущей Румынии – в XVI в. попадают под власть Османской империи. Многоэтническое Трансильванское княжество, в значительной степени заселенное, в том числе, и предками сегодняшних румын, образовалось в XVI в., но также вынуждено было признать над собой сюзеренитет турецких султанов. При этом Трансильвания, как и Валахия с Молдовой, сохраняла значительно большую автономию, нежели другие территории, завоеванные османами. Тем не менее именно 300-летняя зависимость от Османской империи, как полагают румынские историки, затормозила развитие княжеств. В этом видится причина позднего образования Румынии как единого государства и ее позднего вступления на путь капиталистической модернизации, происходившей под влиянием Западной Европы.

Румынские исследователи подчеркивают близкое культурное сходство разрозненных в прошлом румынских земель, о чем свидетельствуют этнографические и языковые факторы, многие из которых относятся к еще дохристианской эпохе. Налицо и сильные внутрирегиональные контакты на еще дописьменной стадии развития культуры, отмечают румынские ученые. Только этим можно объяснить, подчеркивают они, тот факт, что языковые диалекты, фольклор, быт сельских районов сегодняшней Румынии до сих пор сохраняют древние пласты традиционной культуры, имеющей региональную специфику, но представляющей единое целое. При этом особенностью румынского языка является отсутствие резких диалектальных различий.

Все эти соображения используются политиками для обоснования исторического права румын не только на ее сегодняшние территории, но и те, которыми они владели раньше. Правда,

сегодня Румыния заселена и большими группами компактно проживающих нацменьшинств (венгров, немцев, цыган, украинцев и др.), но вместе с тем значительное количество румын и близких к ним этнических групп компактно проживает вне пределов Румынии. Последнее обстоятельство подпитывает обостренное чувство национальной неудовлетворенности и националистические настроения, имеющие в то же время свои региональные особенности.

Начиная с XIX в. подвижников национальной идеи волновал вопрос о соотношении румынских земель, близких к Балканскому полуострову, глубоко впитавшему культуру османских завоевателей, с общеевропейским культурно-историческим ареалом. Но до сих пор Румыния цивилизационно во многом остается частью Балкан. Наследием «балканского» прошлого политологи объясняют устойчивость в общественной и повседневной жизни таких негативных явлений, как коррупция, nepotизм, неформальные связи и продажность в политике, раболепство, косность, ксенофобия. Сюда же причисляют отсутствие необходимых психологических факторов, способных обеспечить высокую экономическую эффективность (таких, как дисциплина труда, рациональное использование времени, высокий ритм жизни). Но не надо, на наш взгляд, сводить эти особенности только к негативу.

Историческое наследие, привязывающее Румынию к Балканам, долгое время находившимся в зависимости от Османской империи, с одной стороны, и ценности византийской православной культуры, пришедшей от славян, с другой – определяют тот субстрат, который и сегодня отличает румынскую духовную традицию от западноевропейской.

Факт этот, однако, как правило, отвергается повседневным сознанием. Идея о том, что румыны имеют отношение к Балканам, что они какие-то «балканцы», по оценке политолога А. Мунджиу-Пиппиди, вызывает обычно негативную реакцию. Все это, безусловно, является своеобразной реакцией на образ Балкан, сформировавшийся за их пределами. Это – «европейский ад», сумеречная часть континента, которую Гавел назвал «обширной евроазиатской зоной, где демократия и рыночная экономика продвигаются вперед с большим трудом и страданием» [цит. по: Mungiu-Pippidi, Vom alunga..., 1996, p. 231]. Американский политолог Роберт Кеннан писал, что проблемы Балкан проистекают даже не от длительного турецкого владычества, а являются «отголоском неевропейской цивилизации», остатки которой здесь еще сохранились [там же].

Надо думать, именно по этой причине политики, как правило, уклоняются от признания балканской принадлежности Румынии. «Европа – более интегрированная и структурированная общность, нежели мы думаем... Формула “Балканы+Румыния” не соответствует действительности. Румыния принадлежит к Центрально-Европейскому региону, но имеет интересы и чувствует ответственность за события на Балканах», – разъяснял президент Румынии Ион Илиеску [Iliescu, 2001].

Но здесь надо учитывать нюансы: когда исследователи пишут о «балканизме», они имеют в виду, прежде всего, так называемое Старое королевство: Валахию с центром в Бухаресте и примыкающие к ней на северо-востоке земли исторического региона Молдова с центром в Яссах.

Трансильвания несколько отличается от Старого королевства своей культурно-исторической традицией. Как известно, она вошла в Румынию только после Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгрии. Венгрия лишилась Трансильвании по Трианонскому договору 1920 г. Хотя румыно-говорящее население (оно, по румынским оценкам, составляло чуть больше половины всех жителей) обитало здесь издавна, но в основном это были крестьяне. Господствующий класс составляли почти исключительно венгры. Достаточно большой общностью в прошлом были этнические немцы («саксы»): ремесленники, торговцы, главным образом – городские жители.

В соотношении с румынами венгров после 1918 г. становилось все меньше: происходил процесс массового переселения румын из Старого королевства, определенная же часть венгров покидала Трансильванию. Такая миграция продолжалась и в социалистический период. В результате существенно изменилась структура трансильванских городов, ибо румынские переселенцы в основном были сельскими жителями и несли с собой традиционную сельскую культуру. Однако венгерское население, несмотря на все перипетии, и сегодня является значительной группой в этнической структуре региона: около 20% ее населения, что составляет примерно 1,5 млн человек.

Количество этнических немцев на протяжении XX в. сократилось на две трети, но все же не все они покинули этот край. Многие из них сегодня получают финансовую поддержку для ведения бизнеса из Германии, проявляющей интерес к своим соплеменникам. Нынешний румынский президент Клаус Йоханнис – трансильванский немец.

После Второй мировой войны Трансильвания административно конституировалась как Венгерская автономная область (1952–1960). Но, опасаясь венгерского ирредентизма, Бухарест ликвидировал эту административную единицу. Сегодняшняя Конституция, принятая в 1991 г., и ее новый текст с поправками 2003 г. определяют Румынию как «национальное государство»: центральные власти продолжают твердо проводить линию на единое централизованное государство.

Тем не менее румынская конституция предусматривает отдельное представительство национальных меньшинств в парламенте. Венгерская же общность имеет после 1989 г. развитую и хорошо организованную политическую структуру. Национальная партия – Демократический союз венгров Румынии – постоянно проходит в парламент, легко преодолевая 5%-ный барьер. В 2000-е годы были образованы и другие, более радикальные, венгерские политические формирования.

Несмотря на процесс культурно-этнического размывания, Трансильвания продолжает отличаться собственной исторической традицией и элементами культуры. Этот факт признают и румыны. «Даже самые ярые националисты, будь то “трансильванцы” или “старорумыны”, – писал С. Миту (один из румынских историков-антитрадиционалистов, которые, однако, не составляют большинства) – противопоставляют серьезность и любовь к порядку ардяльцев¹ балканской поверхностности Бухареста» [Mitu, 1999, p. 70].

Опираясь на эти культурные реалии, венгерские политические лидеры продвигают идею федеративного устройства Румынии, а следовательно, предоставления Трансильвании административной автономии. Однако в румынском национальном сознании понятия автономии, децентрализации и федерализма вызывают гарантированную реакцию отторжения. Создание автономии Трансильвании мирным путем весьма проблематично. Мало того, именно трансильванские города Клуж-Напока и Тыргу Муреш после 1989 г. стали бастионами румынского национализма.

Румынская политическая элита на протяжении XX в. делала все возможное, чтобы стереть различия между Старым королевством и Трансильванией не только в плане социально-экономическом, но и на уровне сознания. В этом ей помогала историческая

¹ Ардял – венгерский топоним Трансильвании, принятый также и румынами. – *Прим. авт.*

наука. Румынская историография в XX в. создала воображаемую «Румынию», которая спускается в глубь веков и следы которой могут быть обнаружены на любом шагу. «Одетая» таким образом, румынская история «закономерно» развивается в сторону объединения всех румынских территорий [Mitu, 1999, p. 70].

Распространенная в румынской историографии трактовка Трансильвании как сердца румынской цивилизации игнорирует местные многоэтнические особенности провинции. Правда, все это, по сути, не отличается от позиции венгров, которые строят аналогичные схемы, но в свою пользу. Не существует в сознании жителей этой территории одной-единственной Трансильвании¹. В этом контексте понятно, почему румынские политологи критиковали теорию Хантингтона: ведь, согласно ей, граница западной цивилизации делит сегодняшнюю Румынию на две части.

Регионально-этническая разнородность страны придает румынской национальной идее дополнительный политический контекст из-за сложности решения проблем межнационального проживания, но в первую очередь из-за хронической неудовлетворенности Венгрии в связи с потерей Трансильвании, хотя на межгосударственном уровне обе стороны постоянно делают усилия для урегулирования своих взаимоотношений.

Нерешенной в глазах представителей как либеральных, так и националистически ориентированных кругов остается и проблема независимого статуса Республики Молдова, преобладающую часть населения которой составляют этнически близкие румынам молдаване. Если в либерально-демократической печати вопросы «зарубежных румын» (речь идет в первую очередь о молдаванах) трактуются в достаточно сдержанной форме, то право-экстремистская националистическая пресса не стесняется в выражениях, правда, делается это часто посредством писем читателей и «независимых наблюдателей», в том числе из-за рубежа.

В Румынии молдаван считают румынским этносом. Внутри самой Молдавии на этот счет нет единодушия. Литературный язык молдаван практически не отличается от румынского, но различия все же есть. Кроме этого историческая память о средневековом Молдавском княжестве заставляет напоминать, что «Румыния»

¹ Хотя речь идет об одной территории, румыны понимают под ней не то, что венгры под «Erdely» (Ардял) или саксы под «Siebenburgen», что в переводе означает «Семиградье» (по семи замкам, построенным саксами для охраны этих земель от набегов неприятелей). – *Прим. авт.*